

Сменив сценический костюм, Мин Хуа с привычным изяществом скользнул к зрительским трибунам. Ся Ань, сразу заметив его в толпе, вскочил, усадил его рядом и с восхищением показал большой палец:

— Ну ты даешь! И подумать не мог, что ты так круто танцуешь. Снимаю шляпу!

Мин Хуа прикрыл рот ладонью, разыгрывая смущение:

— Да ладно тебе, я ведь даже не репетировал толком. Так, экспромт...

Ся Ань замахал руками, не соглашаясь:

— Брось! Вышло потрясающе. Обожаю эту песню, «Персиковую рощу». Ты сам ставил хореографию?

«Персиковая роща» сейчас гремела из всех утюгов — незамысловатая, но с красивым традиционным колоритом, она мгновенно завирусилась в сети и стала основой для сотен каверов и фан-видео.

Услышав вопрос о хореографии, Мин Хуа скромно опустил взгляд и качнул головой:

— Да так, набросал на скорую руку. Ничего особенного.

— Раз уж у Мин Хуа такая шикарная база, — встряла сидевшая неподалеку Ли Юэ, — мне прямо безумно интересно, что покажет Фан Дунсуй. Он ведь тоже хвастался, что занимался танцами.

Она многозначительно повела бровями, явно предвкушая провал соперника.

Мин Хуа лишь снисходительно хмыкнул. Он и за конкурента его не считал. Поведя плечом, он лениво бросил:

— Что ж, сейчас поглядим.

Ли Юэ ехидно усмехнулась, собираясь подлить масла в огонь, но тут над площадкой взмыл чистый, протяжный аккорд. Музыка мгновенно сменила темп, обрушившись на слушателей яростным, звенящим ритмом — словно грозовая молния прошила облака.

Ли Юэ ошеломленно обернулась к сцене.

В глаза бросился холодный блеск клинка. Алый шелковый темляк расчерчивал воздух

огненной дугой, свиваясь в стремительные кольца, подобные парящему дракону. Зрители у сцены и замершие поодаль прохожие не успели даже охнуть, как Фан Дунсуй выдал безупречную, молниеносную серию атакующих выпадов и круговых защит.

В этот момент из-за кулис выскользнул Цзян Юймэй. Заметив, в каком оцепенении застыли остальные, он тихо примостился на свободное место.

Не успел он устроиться поудобнее, как сидевший справа Ся Ань в полном восторге мертвой хваткой вцепился ему в руку и зашептал-запричитал:

— Боги мои! Фан Дунсуй... он что, и так умеет?! Это же танец с мечом... Охренеть как круто! Черт, да он просто чертовски хорош!

Цзян Юймэй поморщился от боли, с трудом высвободил запястье и одарил соседа ледяным взглядом.

Но Ся Ань, приковав все внимание к сцене, даже ничего не заметил. Потирая ноющее запястье, Цзян Юймэй тоже перевел взгляд на помост, где сейчас царил ослепительный Фан Дунсуй.

Над помостом рассыпались серебряные искры отраженного света. Зрители стояли разинув рты; даже Мин Хуа оцепенел, не в силах отвести глаз.

В груди у него вскипела глухая зависть. Крепко сжав челюсти, он отчаянно пытался сохранить на лице маску безразличия, хотя его так и перекосило.

Пять объективов телекамер неотрывно следили за каждым движением юноши. Зрители трансляции застыли перед экранами — все взгляды словно примагнитило к Фан Дунсую, чат на мгновение опустел: люди просто забыли, как дышать, не говоря уже о том, чтобы писать комментарии.

Ярко-алое одеяние, летящий, дерзкий взгляд — он безраздельно властвовал над толпой. Каждая деталь его костюма, от развевающихся лент на поясе до широкого подола, работала на этот образ, подчеркивая безумное, магнетическое обаяние.

Вдруг яростный ритм оборвался, перейдя в протяжный, щемящий мужской вокализ. Движения Фан Дунсуя замедлились, следуя за угасающей мелодией, и плавно сошли на нет.

Только когда стальной блеск утих, зрители смогли наконец разглядеть самого исполнителя.

Он и в жизни был невероятно хорош собой, но здесь, на возвышении, с боевым клинком в руках и в традиционном костюме, он казался невероятно статным и тонким. Широкий кушак туго перетягивал гибкую талию, которую, казалось, можно было обхватить ладонями, а глубокий

запах ворота подчеркивал белизну шеи, горевшей чистым фарфором на фоне яростного алого шелка.

Когда движения прекратились, чат трансляции буквально взорвался:

[Планшет разрядился: А-а-а-а, Фан Дунсуй! Дунсуй, ты лучший!!!]

[Кусочек тортика: Мама спрашивает, почему я реву! Да потому что на экране настоящий небожитель! Боже, я и не знала, что он может быть ТАКИМ. Столько грации, силы и стиля! Беру свои слова назад, он вообще ни разу не капризный неженка, как Фан Цзяхуай!]

[Слон в цветочках: Как же это красиво, просто до слез! В этом парке такой мечник единственный! Всё, я пропал, где фан-клуб? Ссылку мне быстро!]

[Набираю массу: Уважаемый, фан-клуба еще нет, мы только раскачиваемся~ (мило)]

[Слон в цветочках: Какое к черту «мило», бегом создавать! Ладно, проехали, сам сейчас всё организую!]

[Чанъэ из ночной смены: Ой, да ладно вам... Раскудахтались. Просто мечом помахал. Нам вообще-то танец обещали, а он еще даже толком двигаться не начал, а вы уже слюни пустили. У ботов из пиар-отдела хоть какие-то зачатки логики должны быть?]

В следующую секунду вступили протяжные вздохи хуциня и чистые переливы шэна. Зрители у экранов, уже готовые строчить новые комментарии, снова замерли.

Фан Дунсуй неуловимым движением перехватил рукоять и мягко улыбнулся залу. Его миндалевидные глаза чуть сощурились, заискрившись теплым светом.

Но стоило толпе взорваться аплодисментами, как он стремительно развернулся спиной к зрителям. Широкое круговое движение руками — и сверкающее лезвие меча замерло ровно вдоль его прямого хребта.

Юноша гордо вскинул голову. В этой горделивой осанке внезапно проступила нестигаемая воля воина древних эпох.

Далеко отсюда, в VIP-зале ожидания аэропорта, у Е Вана дрогнуло сердце.

На его губах заиграла легкая, заинтригованная улыбка. Он мягко коснулся пальцем экрана, на котором застыл огненно-красный силуэт юноши, и после долгой паузы убрал руку, едва заметно вздохнув.

Звук в наушниках стоял на максимуме, и до него отчетливо донеслись первые, щемящие переливы хуциня.

Вторя нарастающему ритму, Фан Дунсуй скользнул вперед. Его шаги — то стремительные выпады, то мягкие отшаги по кругу — сплетались в завораживающий узор боевой пляски.

Когда музыка наливалась тяжелым, густым звучанием, его движения становились размашистыми, сильными, задействующими каждую мышцу. Но стоило мелодии уйти в высокий, чистый регистр, как танец взрывался легкостью: Фан Дунсуй крутил клинок в пальцах с невероятной скоростью, уходил в глубокий прогиб назад и тут же выпрямлялся в стремительном пируэте.

Прилегающий крой костюма не скрывал безупречной пластики. В моменты замахов его плечи очерчивали сильные, плавные линии, а гибкая спина отзывалась на каждое движение с абсолютной свободой и легкостью.

Зал наблюдал за этим священнодействием затаив дыхание. Ся Ань окончательно потерял голову и снова стиснул локоть Цзян Юймэя, не зная, как еще выразить свой бурный восторг.

Цзян Юймэй уже хотел было со всей силы отпихнуть навязчивого соседа, как вдруг надрывный плач хуциня сменился резким, трагическим надломом.

Фан Дунсуй торжествующе прищурился и подбросил меч высоко вверх.

Толпа ахнула, взрываясь оглушительным шквалом аплодисментов.

Сам же юноша в то же мгновение ушел в невероятно низкий прогиб, почти распластавшись над настилом сцены, и подхватил лежащие на полу ножны. Секунда — он оттолкнулся ладонью от пола, взмыл вверх в красивом развороте, а пущенный ввысь клинок уже стремительно летел обратно.

Вторя падению стали, Фан Дунсуй закружился в прыжке, взметнув подол огненного одеяния. Его глаза сияли азартом; тихо, но отчетливо вторя угасающей мелодии собственного танца, он вскинул руку с ножнами навстречу летящему оружию. Короткий, чистый щелчок — и клинок беззвучно, до самого эфеса, вошел в ножны.

И в этот же миг музыка оборвалась.

Тяжело дыша, покрытый испариной Фан Дунсуй замер. Сделав глубокий вдох, он перехватил ножны и с безупречной вежливостью поклонился залу, соединив ладони в традиционном приветствии.

Зрители несколько секунд сидели онемев, прежде чем осознать увиденное. Затем площадь

буквально взорвалась: восторженные крики, свист и оглушительный грохот рукоплесканий покатались волной над парком.

Из толпы на окраине площадки донеслись звонкие девичьи голоса:

— А-а-а-а! Это же мой будущий муж! Мой!

— Мечтай больше, он мой!

Фан Дунсуй не выдержал и тихонько прыснул в кулак.

Влажные от пота пряди облепили его лоб, щеки горели румянцем, а глаза сияли. Чуть прикусив губу, он негромко произнес в микрофон:

— Спасибо огромное.

Камеры зафиксировали этот момент во всех ракурсах. А в чате трансляции началось форменное безумие:

[Мясные шарики: Я просто в немом ауте. Словарный запас покинул чат. Ребята, отдувайтесь за меня.]

[Планшет разрядился: ОХРЕНЕТЬ. ОХРЕНЕТЬ. ОХРЕНЕТЬ!!!]

[Грустный дождь: Боже, я согласна на всё! Муж мой, посмотри на меня!]

[Слон в цветочках: Я просто теряю дар речи. Когда разбогатею, обязательно найму переводчика, который умеет красиво описывать восторг. Что за скудные вопли в комментариях? Разве можно такую красоту описывать обычным матом?]

[Планшет разрядился: Ой, да ладно тебе, сам-то покажи мастер-класс, раз такой умный!]

[Слон в цветочках: Да я и сам не могу слова подобрать! (рыдает) Ну как Фан Дунсуй ухитрится быть таким?! В жизни — утонченный, изнеженный принц, а на сцене от него веет такой дикой, первобытной силой! Слово степной пожар. Заявляю официально: в прошлой жизни я был сухой травой, и меня только что выжгло дотла. Я мертв, не откачивайте.]

[Лига гендерных фантазий: Выжгло? Да ты просто потек от его грации, признайся! (ехидно)]

[Слон в цветочках: Извращенцы, брысь отсюда!!!]

Выступление завершилось, но зрители все еще пребывали в оцепенении. Тишину прервал ведущий, поднявшийся на помост и жестом попросивший собиравшегося переодеться Фан Дунсуя задержаться.

— Дунсуй, постой секунду, — с теплой улыбкой произнес Юй Чуаньмин и, повернувшись к залу, зычно крикнул: — Ну как, друзья? Понравилось?!

— Да-а-а-а! — хором отозвалась толпа.

Подогрев интерес публики, Юй Чуаньмин непринужденно перехватил инициативу. Он шутливо взвесил в руке чужое оружие, сделал пару неловких взмахов и задал вопрос, который явно вертелся на языке у каждого:

— Дунсуй, открой секрет: что это за невероятный танец? Расскажи подробнее.

— С удовольствием, — улыбнулся Фан Дунсуй. — Это традиционный танец эпох Тан и Сун. Называется просто — танец с мечом, или танец с оружием-мечом.

— И клинок в нем — обязательный атрибут? — любопытствовал Юй Чуаньмин.

— Именно так, — подтвердил юноша.

— Я в хореографии не силен, — покачал головой ведущий, — но даже моему непрофессиональному глазу видно, какая колоссальная за этим стоит подготовка. Если не секрет, как долго ты этим занимаешься?

— Пятнадцать лет, — честно ответил Фан Дунсуй. — С пятилетнего возраста.

Юй Чуаньмин картинно всплеснул руками, а по толпе прокатился гул одобрения. Пятнадцать лет ежедневного труда — теперь ни у кого не осталось вопросов, откуда взялась эта нечеловеческая легкость и точность движений.

Закончив короткий блиц-опрос, ведущий не стал отпускать Фан Дунсуя в гримерку, а сразу перешел к финалу — голосованию, пригласив на сцену Мин Хуа.

— Выступления наших участников, без сомнения, поразили всех до глубины души. Теперь судьба главного приза сегодняшнего выпуска в руках одиннадцати независимых судей из числа зрителей. Прошу вас сделать свой честный и непредвзятый выбор!

С той секунды, как Мин Хуа ступил на подмости, его не покидало гнетущее желание провалиться сквозь землю. Вся его спесь и былая уверенность рассыпались в прах после того, как он вживую увидел выступление соперника.

Он понимал, что проиграл по всем статьям. Но признавать поражение мешало уязвленное самолюбие. Пока шло голосование, Мин Хуа украдкой метнул в сторону Фан Дунсуя исполненный злобы взгляд; уголок его рта нервно дернулся.

«Ничего, — ярился он про себя. — В следующем выпуске... я размажу тебя, Фан Дунсуй! Слышишь? Размажу!»

Спустя три минуты Юй Чуаньмин развернул карточку с результатами.

Исход противостояния был очевиден каждому. Сидевший внизу Цзян Юймэй уже едва сдерживался, чтобы не начать аплодировать.

Ведущий удивленно приподнял брови, переведя взгляд с одного участника на другого, после чего торжественно объявил:

— С абсолютным преимуществом в одиннадцать голосов победу одерживает... Фан Дунсуй! Главное сокровище сегодняшнего дня принадлежит ему!

Площадь вновь взорвалась восторженными криками.

Пока зрители праздновали победу любимца, съемки первого выпуска подошли к логическому финалу.

Остальных участников пригласили на сцену. Раздался негромкий хлопок, и над площадкой рассыпался сверкающий золотой дождь из конфетти. Разноцветная мишура мягко оседала на прически и плечи ребят, знаменуя завершение дебютного эпизода.

Юй Чуаньмин зачитал обязательный спонсорский блок и подвел итоги:

— Итак, по результатам первого дня Фан Дунсуй лидирует с тремя баллами! У Цзян Юймэя — два очка, Мин Хуа и Ли Юэ уносят по одному баллу, а Ся Аню, увы, сегодня не повезло открыть счет. Наше путешествие в рамках проекта «Вперёд, звездные наследники» только начинается! В следующем выпуске к нашим героям присоединятся те, кого они могут назвать своими наставниками и близкими друзьями. Кто они? Узнаем совсем скоро. До встречи в следующую субботу на телеканале Пинго!

Фан Дунсуй, как раз увлеченно стряхивавший блески с макушки Цзян Юймэя, опешил. Он наклонился к другу и тихо спросил:

— Юймэй, а этот разговор про наставников и друзей... Туда можно позвать обычного человека, не из шоу-бизнеса?

— Вряд ли, — покачал головой тот. — Скорее всего, потребуют кого-то из индустрии. Но у этих продюсеров вечно свои причуды, так что точно сказать нельзя.

Слова друга заставили Фан Дунсуя всерьез занервничать.

Знакомые из шоу-бизнеса?

Да, он был сыном знаменитых родителей, но отец ушел на покой столько лет назад, что все старые связи давно покрылись пылью. Единственным близким человеком из этой сферы оставался дядюшка Чжу. Но звать его на молодежное развлекательное шоу? Абсурд. И кого ему тогда приглашать?!

<http://bllate.org/book/18316/1899732>